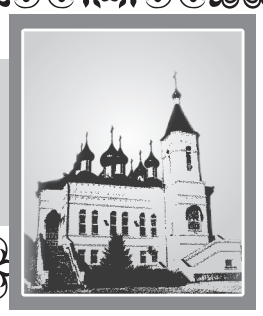
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь №15 (355) 9 апреля 2016 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Сегодня, возлюбленные о Господе боголюбцы и христолюбцы, мы будем говорить о Каине и Авеле. Первое совокупление, первое зачатие, первые родовые тошноты, первые боли и первые страдания испытала и пережила Ева – и родила сына, назвав его Приобретением. Каин – приобретение. «Приобрела я человека от Господа», – сказала она. А Адам в этих первых родах, в этой мистике зачатия и вынашивания узрел тайну рождения всех живущих и дал своей жене имя Хава, то есть Ева, – «жизнь», ибо она стала матерью всех живущих. Митрополит Филарет (Дроздов) на эту тему рассуждает так: Адам прозрел в своей жене не только мать всех живущих и будущих жить, но он прозрел в ней и Божию Матерь, потому что подлинную Жизнь родила нам Богородица, Она – истинная Хава, истинная Ева и Мария, Святая и Пречистая и пречуждая всякого порока. А Ева внесла большую печаль в мир.

Адам и Ева получили от Бога обетование (так называемое Первоевангелие), что семя жены и семя змея будут враждовать между собой и семя жены поразит змея в голову (см.: Быт. 3, 15). И потому они ожидали от жены спасения. Когда родился Каин, взоры отца и матери его были, быть может, устремлены на него с большой надеждой. В нем они желали увидеть какое-то избавление от того, что на них свалилось, и возвращение туда, откуда они были изгнаны. Но Каин, этот первенец, стал первым убийцей.

Потом родился Авель, который был похож на легкое дуновение ветерка, что, собственно, и означает его имя. Видимо, он был не от мира сего, был устремленным ввысь, более небесным, чем земным. У них, этих двух братьев, были разные занятия: Авель был пастырем овец, а Каин – земледельцем. Авель – первый прообраз Иисуса Христа: он был убит братом, он девственник – семени после себя не оставил; как и Господь Иисус, был девственным и душой, и телом. И он – пастырь овец, а Господь Иисус Христос – Пастырь Добрый. И вот эти два родных брата стали непримиримыми антагонистами.

Тайна Каина – это тайна всех войн человеческих, тайна зависти, тайна гордости, тайна претензии, что мир несправедлив. Если угодно, история Каина и Авеля очень легко, красиво, поэтично раскладывается по нотам в таких произведениях, как, например, «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина. Потому что Моцарт и Сальери – это Каин и Авель в несколько иной интерпретации. Сальери ведь уверен, что мир несправедлив, он говорит: «Нет правды на земле». Но говорит не только это. Все говорят, что нет правды на земле, но для Сальери нет правды и выше – и Бог несправедлив. Мол, «я музыку на части разъял, поверил гармонию алгеброй, всю жизнь прокорпел над нотами, а почему-то талант божественный, небесный дар дан этому гуляке праздному – Моцарту…» И Сальери желает исправить Божественную «несправедливость».

Примерно так же, наверное, думал Каин. Все пытаются понять его психологию. Он был первенец, он считал, что его жертва должна быть лучшей – ведь он же первый, он любимый. Он первый вышел из ложесна. Он первый человек, которого кормили грудью. Он первый человек, которому перерезали пуповину. Адам и Ева – это люди без пупков: их во чреве не носили. Когда их рисуют с пупками, это ошибка. Потому что они были не рождены, но сотворены. А вот Каин – человек, родившийся с пупком, первый, которого кормили грудью, первый огласивший мир своим детским криком. Он чувствовал себя таким вот первенцем во Вселенной, и у него были некие внутренние убеждения, что он имеет прав больше, чем другие.

И он посчитал, что Бог несправедлив: почему Он принимает жертву этого странного брата, который младше его?.. Вот попытка исправить Божественный мир, попытка Богу подсказать, как лучше править миром. Она сопутствует жизни человеческой. И мы, бывает, тоже обретаем в себе, в своем сердце некое несогласие с Божественным миропорядком. «Почему Ты не наказываешь этих? Почему Ты милуешь тех? Почему Ты прощаешь вон того? Почему творится вот это все, а Ты где? Что, не видишь?» Мы часто так говорим, часто так поступаем… И это, в общем-то, укоренено в человеке. Это – желание собственными руками исправить все, что мне не нравится в Божием мире. Кстати, интерес к Каину был особый еще в XIX веке, когда шла реабилитация диавола и всех бунтовщиков против Бога. Это мы видим у Байрона и других писателей и поэтов того времени. И наш бедный М. Лермонтов попал, так сказать, под тень крыла байроновской демонической грусти. Они всё думали, всё пытались понять, что же тогда произошло.

А что же произошло? Два брата приносили Богу жертву. Это очень важный момент! Описываются первые жертвоприношения – не в деталях пока, а в общем. А принесение жертвы означает, что ты, во-первых, с Богом связан, что можно с Богом общаться, коммуницировать с Ним через какие-то священные акты. Второе: ты виноват, ты должен что-то отдать Ему. И третье: ты находишься в зависимости, то есть общаешься не на равных. Ты как низший к высшему обращаешься к Богу и пытаешься умилостивить Его – приносишь Ему то, что тебе самому нужно. Приносили ведь то, над чем трудились. Каин был земледельцем, и он приносил от плода земли. Авель был пастырь овец, и он приносил первородных от своего стада.

Святитель Иоанн Златоуст очень точно подметил один важный момент. «И призрел Господь на Авеля и на жертву его, а на Каина и на жертву его не призрел» (см.: Быт. 4, 4-5). Посмотрите: в Писании говорится сначала об Авеле, а потом о жертве его; сначала о Каине, а потом о его жертве. И Златоуст объясняет: Богу нужно не то, что ты приносишь Ему; речь не о том, ягнятами или, например, зерном пшеницы ты приносишь жертву. Речь о том, что сердце приносящего важно! И сердце приносящего определяет достоинство приносимого. Поэтому призрел Господь на жертву Авеля, потому что призрел сначала на его сердце. А на Каина Он не призрел.

Как это было в деталях, мы не знаем, конечно. Художники обычно изображают это так: от жертвы Каина дым стелется по земле, а от жертвы Авеля – густой столб дыма поднимается вверх. Может быть, так и происходило. Однако таким или иным, но общение с Богом было конкретным, и Бог давал знаки о том, что Он принимает или не принимает приносимое Ему. Причем Бог ведь и разговаривал с Каином, и Каин отвечал Ему.

Каин помрачил лицо свое и начал задумывать что-то недоброе – вот с этого момента зародились у Каина злые мысли по исправлению несправедливого мира. Он обиделся и на Бога, и на Авеля. И он вывел в поле брата своего и убил его. Все жертвы, все войны, все беды, все несчастья с тех пор совмещены в этой трагедии. И где бы кто бы ни поднял руку на другого, вооруженный ножом или камнем, пистолетом или баллистической ракетой, корни этого будут в той трагедии.

Небо с ужасом смотрело на первое убийство. А ведь Господь разговаривал, повторюсь, с Каином. Он говорил ему: «Почему ты помрачаешь лицо свое? Если делаешь доброе, не поднимаешь ли лица? А делаешь злое, то грех лежит у порога. Он влечет тебя к себе, а ты господствуй над ним» (см.: Быт. 4, 6-7). В этих интересных словах Господь Бог говорит нам о том, что мы властны над своим сердцем. Не думайте, что сердце порывами страстной любви или необузданного гнева влечет нас туда, куда оно само хочет, и мы не властны ему сопротивляться. Ничего подобного! Сердце нужно держать в кулаке. Силой воли и силой Божией, которая приходит на помощь молящемуся человеку, можно сдержать себя от прелюбодейных порывов, от необузданного гнева, от зависти, от коварства, от трусости. Можно остаться на месте и не побежать; можно пойти туда, куда нужно идти, потому что нужно господствовать над сердцем своим. Грех лежит у порога, но ты господствуй над ним. Господь открывает Каину возможность совладать с собой. Но Каин не внемлет.

Каин убивает брата и продолжает говорить с Богом. «Где Авель, брат твой?» – вопрошает Господь. И Каин отвечает: «Разве я сторож брату моему?» Мы слышим уже голос дерзкого убийцы, который вовсе не хочет каяться. Вспомните голос Адама по грехопадении: «Я наг, и скрылся» (Быт. 3, 10). А Адам и Ева не убивали, а только надкусили плод, ослушавшись Господа. А теперь, смотрите, какая динамика падения: «Где брат твой?» – «Я что, сторож ему?» Это голос человека убившего, пролившего кровь своего брата. Еврейская Аггада говорит, что земля не хотела пить кровь убитого человека. Вообще земля не предназначена принимать в себя труп человека – не для этого она была создана. Она была создана для того, чтобы на ней жили и радовались, а не для того, чтобы погребать в себе и проглатывать тысячи трупов людей и животных. Поэтому земля не хотела пить кровь Авеля, и кровь свернулась и сгустилась на земле, оставаясь не всосанной, не впитанной землею.

Адам и Ева – отец и мать – похоронили своего ребенка. Это были первые похороны на земле. И эти первые похороны на земле – похороны праведника, убитого рукой брата. Видите, сколько всего сошлось тут?! Обычно дети хоронят родителей, а там все было по-другому. И первые отец и мать поняли, что теперь будет дальше. Они говорили себе: «Вот какая жизнь нас ожидает! Мы будем рожать детей, а дети станут убивать друг друга. И все из-за того, что мы не исполнили заповедь!..» Вот почему Адам плакал все 930 лет своей жизни. Непрестанно плакал, и плакал, и плакал. Он рожал детей, потому что исполнял заповедь, ибо Бог сказал ему: «Плодитесь, размножайтесь, наполните землю, населите ее, обладайте ею». Он делал это, но понимал, что рожает их к несчастью, рожает их в беду, они будут восставать друг на друга, они больны, они заразились – заразились гордостью, заразились завистью.

Когда люди дерутся, когда страны воюют, мы, заметьте, решаем нашим примитивным мелким умом, что они воюют только или за нефть, или за лес, или за воду, или за деньги, или за то, или за иное… за мировую гармонию и спокойствие. Но первое убийство на земле совершилось не за женщину, не за деньги и не за землю. Это было убийство из-за гордости – по духовным причинам. Ищите, друзья мои, духовные причины в каждом конфликте. Ибо в каждом конфликте есть духовные причины, есть борьба добра и зла – извечная борьба добра и зла. Есть непримиримая ненависть зла к добру и нежелание успокоиться. Есть вечное желание убрать с земли того, кто, как тебе кажется, мешает. Как убили Христа – для того, чтобы изгладить Его имя из памяти и больше не слышать слов из уст Его. Однако Он воскрес. Потому что правда неубиваема.

Так что эта трагедия – убийство Каином Авеля – настолько важна для понимания всей последующей истории мира, что мы должны часто и много размышлять о той невинно пролитой крови, вопиющей к небу от земли. С той поры с земли к небу доносится особый глас – не только глас молитвы или хвалы, но и кровь вопиет от земли. Так что к небу от земли вопиют три особых гласа: глас пролитой несправедливо крови; глас наемников, которым не заплатили положенную им плату (об этом пишет апостол Иаков – см.: Иак. 5, 4) и глас Содома и Гоморры, которые изнемогают от неистового разврата живущих в них. Пролитие крови, разврат и несправедливость оплаты – вот три вещи, которые заставляют землю плакать, и плач этот поднимается к небу. Первый такой плач поднялся, когда бездыханный Авель лежал на земле, а земля не хотела пить его пролившуюся кровь. Дальше думайте сами.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Каковы особенности совершения Иисусовой молитвы?

В совершении Иисусовой молитвы есть общие принципы, изложенные у святых отцов, но есть особенности, зависящие от индивидуальности человека. Молиться по четкам или без них, соединять Иисусову молитву с дыханием или нет – это предоставляется к выбору и опыту каждого человека. Как вам легче сосредоточиться на словах молитвы, включиться в нее – так и делайте. Это относится также и к темпу молитвы, который должен приблизительно соответствовать беседе вслух. В некоторых случаях, особенно в начале занятий молитвой, он может быть несколько замедлен. Если хочется читать Иисусову молитву, когда душа просит ее, а тем более, когда молитва сама идет в уме и сердце, то не надо переходить к другим молитвам, пока полностью не насытится душа.

Можно ли Богородичное правило читать без благословления священника?

Богородичное правило не относится к церковному уставу. Читать его или нет – предоставлено на усмотрение самого человека. Благословение здесь не обязательно, однако, по словам премудрого Соломона, «благословение не отягощает, а всегда помогает».

Устраиваться мне на работу или нет? Младшему ребенку всего 4,5 года. Но на обучение детей требуется все больше денег. Муж сказал, что как поступлю – так и ладно...

Женщина, отлучающаяся подолгу от дома, даже для благородных целей, из «души семьи» превращается только в часть тела семьи. Основой для обучения и будущего счастья ребенка должно быть его домашнее воспитание и пример родителей.

Пришла к выводу, что я все больше воспринимаю и оцениваю житейские вещи и события душевно: плачу часто, слезы сами идут. Как мне казалось раньше, слезы эти от осознания своей греховности, от понимания суетности, от умиления, от жалости, из сострадания... А сейчас я думаю, что это пустые слезы, как пена.

Причина слез может быть различной. Но вы воспользуйтесь своим плачем – переведите его в русло покаяния, и плач будет очищать ваши грехи, как очищают грязь струи воды. После духовного плача в сердце наступает глубокий мир и тишина; иногда человек испытывает ощущения даже телесного облегчения, как будто что-то тяжелое спало с его плеч. Что касается гордости во время плача, то она появляется в тайном желании, чтобы в это время люди увидели бы вас плачущим и сказали бы: как хорошо она молится, какой у нее особый дар слез.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Райские хутора»
и другие рассказы
священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

А затем сообщил и главный секрет:

– Скоро развалюция будет.

Но это Иван Фомич совсем уже отказывался понимать.

В ноябре сорок первого фельдшер сумел предсказать дату контрнаступления под Москвой.

Дело было в больнице. Хворый народ рядил, гадал, и все упирались в двадцать первое декабря – в день рождения вождя нашего.

– Устрашительно, – согласился фельдшер. – Очень даже. Но сподручнее все-таки шестого – в день Александра Невского. Единственный святой, который бил немца, так что подходяще шестого начать.

Вскоре, понятное дело, его разлучили с женой и, по слухам, пригрозили легонько: мол, держись теперь, мракобес, доберется до тебя товарищ Емельян Ярославский! Но тут как раз подоспела сводка о начале контрнаступления, и фельдшер оказался в совершенных героях – одни стали приписывать ему дар прорицания, другие поговаривали о его тайных – через посредничество воюющего на фронте сына – связях со ставкой. А он лишь недоумевал: когда, как не на Александра Невского, начинать подобное дело? Чего же тут непонятного?

В конце сорок четвертого он предсказал еще, что окончится война «на Егория», потому как и «главный полководец у нас Егорий», да и вообще – «так сподручнее». То ли он староват стал, то ли ход его рассуждений был на сей раз недостаточно точен, только уж просчитался фельдшер. Чуть-чуть, в три денька, а просчитался. Случись такое в сорок первом году – несдобровать бы ему, а тут – простили. Правда, пожурили для строгости: «Жаль, не слышит тебя теперь товарищ Емельян Ярославский», – но простили. Хотя к «Егорию» война фактически и закончилась, так что ошибка имела характер, можно сказать, формальный.

Когда умерла супруга, Иван Фомич стал пропадать на погосте. Народ отыскивал его и здесь. И фельдшер, по обыкновению безропотно, отправлялся, куда вызывали.

На погосте он и упокоился. Саквояжик в этот час был при нем.

Великая тайна войны

Давно это было. Работал я учителем в школе. Однажды зимними каникулами выпало мне дежурить по учебному заведению. А у нас тогда гостили ребятишки откуда-то из провинции. И как раз в день моего дежурства они встречались с двумя земляками: оба – полковники, оба – герои. Прежде никогда друг друга не видели – познакомились здесь, в школе.

Ребятишки расспрашивали их о войне, полковники вспоминали, и неожиданно из частных воспоминаний сложилась картина грандиознейшего, даже по меркам той войны, события… Надо заметить, что событие это как блистательная военная операция описано в учебниках истории, в энциклопедиях. Однако всем описаниям присуща странная закономерность: если о развитии наступления рассказывается более или менее подробно и обстоятельно – то есть вполне в традициях военной историографии, то победное завершение операции излагается с неожиданной лапидарностью: «К утру 17 февраля окруженная группировка была ликвидирована, противник потерял 55 тысяч убитыми». Думается, и не самому великому полководцу понятно: уничтожение пятидесяти пяти тысяч хорошо вооруженных солдат, поддерживаемых танками и артиллерией, – дело хотя и выполнимое, но далеко не простое. Естественно возникает мысль о необходимости затяжных, упорных боев на весьма обширной территории: артподготовка, авианалеты, танковые атаки, захват передовых рубежей… Но ничего подобного в описаниях мы не найдем – победа словно падает с неба. Об этом загадочном разгроме и вспоминали фронтовики, пришедшие на встречу со школьниками. Однако по порядку.

Сначала требовалось рассказать, за что получена Золотая Звезда.

Танкист в дни Курской битвы пригнал с поля боя целехонький «Тигр», который долго и безуспешно расстреливали на полигоне, после чего решили оснастить наш танк Т-34 более мощными пушками. Вероятно, на полигоне побывал не один «Тигр», но то ли этот был первым, то ли дерзость разведывательного экипажа восхитила военачальников… По дну оврага они проникли в расположение противника, заглушили мотор, вскарабкались наверх, обнаружили несколько бочек с горючим – полевую заправочную станцию, дождались, когда подойдет вражеский танк, захватили его и погнали к своим.

– И вот гоним обратно, – рассказывает полковник, – впереди Т-34, следом «Тигр», на башнях – красные флажки, то есть: танки на марше. Я сижу в «Тигре», вдруг – ба-бах! Что-то в нас попадает. Молнии по всей башне! Гоним дальше. Опять: ба-бах! Опять молнии! Смотрю в прицел – а там прекрасная цейсовская оптика, – вижу: на опушке рощицы молоденький сержантик суетится возле сорокапятки. Заряжает: ба-бах! Снова попал, снова молнии! Пушчонка слабенькая, броню не пробьет, но искры – молнии по всей башне летают – страшно. Зарядили орудие, взял я повыше – по деревьям, выстрелил – всю рошу щепками завалило. Гляжу – сержантик потащил пушку в сторону – меняет позицию… грамотный! Я потом сходил к нему, познакомился. Похвалил за меткость, за выучку. Говорю: тебе бы, брат, не сорок пять миллиметров, а восемьдесят пять – ты бы с твоими талантами столько техники покрошил бы… Растолковал насчет красных флажков на броне, а то у него упущение в образовании было… Вот за этого «Тигра» мне и присвоили…

Второй полковник во время войны служил минометчиком. Он скупо сказал, что в феврале 1944 года его дивизионные минометы вступили в бой с превосходящими силами противника и бились до подхода крупных соединений нашей армии.

Школьники ничего не поняли, пришлось объяснять…

– Была такая Корсунь-Шевченковская операция, – начал герой-минометчик.

Герой-танкист с пристальным вниманием посмотрел на него.

…В детстве и отрочестве мне довелось переслушать великое множество фронтовых историй: война завершилась недавно и полностью владела памятью общества, а большинство взрослых мужчин были фронтовиками, и потому их знакомство друг с другом начиналось со слов: «А вы на каком фронте?..» Так бывало и в ресторанах, и возле пивных, в купе дальних поездов и в тамбурах электричек… Слушая эти разговоры, я всякий раз терпеливо ожидал момента, когда выяснится, что собеседники хотя бы раз за время войны оказывались рядом. Таковое почему-то случалось всегда: один, скажем, воевал на Волховском, другой – на Воронежском, но потом по каким-то причинам одного куда-то перебросили, и выясняется, что второй в то самое время тоже был в том самом месте. Эти совпадения представлялись мне настолько обязательным моментом всякого взрослого разговора, что их отсутствие вызывало подобие беспокойства. Впрочем, я знал одно место, куда, как мне казалось, попадали почти все: Секешфехервар. На моей памяти ни один человек не сумел произнести это слово правильно, однако стоило мне для подсказки прошептать пару любых слогов этого слова, как обнаруживалось, что оба фронтовика там бывали. Так вот: слушая героев-полковников, я тоже ждал своего момента. И дождался. Причем шептать ничего не пришлось.

– Наши войска тогда окружили огромную группировку противника, – продолжал минометчик, – даже не окружили, а скорее – обошли ее: фронт переместился далеко на запад, а около семидесяти пяти тысяч немцев остались у нас в тылу. Командование как-то не обращало на них особого внимания: готовилось стратегическое наступление, а эти – ну и пусть себе бродят по степи: подвоза боеприпасов и продовольствия нет, побродят-побродят, да и сдадутся в плен. Тысяч, если не ошибаюсь, восемнадцать действительно сдались. Остальные, не сумев пробиться к своим напрямую, решились на сложный маневр: объединив все войска, пошли вглубь нашей территории, чтобы затем развернуться и выйти к линии фронта в каком-то другом месте, более подходящем для прорыва. Похоже, этот маневр оказался для нашего командования полной неожиданностью. Говорилось о возможном перемещении небольших разрозненных групп противника – на этот случай и оставили кое-где у дорог артиллерийские и минометные батареи, пулеметные гнезда. Окопались мы посреди степи на холмушке, живем день, два, три, ждем, когда вражеская группировка сложит оружие и можно будет догонять своих – отправляться на передовую. И вот как-то утром слышим с запада гул. Пригляделись в бинокль – немцы: впереди – бронетехника, а следом – пехота и пехота, до горизонта. У нас тягачи были, мы могли уйти вместе с орудиями, и нас бы за это, наверное, даже не наказали – больно уж несоизмеримы силы: несколько человек против огромной армии. Но это я сейчас понимаю, задним числом, что называется, а тогда мысль такая никому в голову прийти не могла: только бой… Открываем огонь, они – из танков и самоходок по нам. А миномет, он ведь – для навесной стрельбы, можно и по закрытым целям, но никак не для артиллерийских дуэлей в чистом поле. Да еще и дивизионный – самый большой: его, если взрывной волной с места своротит, назад сразу не возвернешь. Зато уж мина – диаметром с трехлитровую банку, убойная сила – страшенная. Ей хоть куда попади: по живой силе, по технике – Жуть, что творит! А торопимся – мажем, мажем, и все равно спешим: хочется побольше успеть, пока минометы не покорежило да нас не поубивало. И тут вдруг грохот с другой стороны – с востока. Глядим: танки, самоходки… наши! Мы сразу попадать стали… А танков – десятки, сотни…

И наступил момент:

– Вот! – подхватил полковник-танкист. – В одном из них был и я. Нашу танковую армию перебрасывали тогда к линии фронта для подготовки стратегического наступления. Сначала шли рассредоточенно, а в этом месте начинались овраги, и мы должны были пройти между ними по старому шляху: у каждого на карте он был отмечен особой стрелочкой. Выкатываемся к нему, а тут какая-то куча бронетехники и по ней миномет бьет. У нас приказ был: в боестолкновения не вступать, да и вообще не задерживаться, но мы, конечно, по паре снарядов высадили… не задерживаясь… Ну и все, костер…

– Точно, – подтвердил минометчик. – Вся их техника враз полыхнула. И башня! Башня от какого-то танка летит над огнем, как картонка, и вращается… Жуть!..

– Да, помню, – кивнул танкист, – самоходка слева от меня шла, после ее попадания башня и улетела…

У этих ребятишек был в их далекой провинции школьный музей. Для музея они собирали материал. Записав ответы героев, школьники, похоже, весь материал собрали. И посему перешли к чаепитию. Минометчик, у которого в далекой провинции еще оставалась родня, вел земляческие разговоры, а танкист, давно утерявший связи с теми краями, продолжал вспоминать войну и тихонько рассказывал:

– Приходим в пункт назначения – небольшое село. Спим кое-как, кто где. Утром надо гнать дальше – нет горючего… Ждем. Самолет разбрасывает листовки. Мой заряжающий читает вслух: «Корсунь-Шевченковская группировка противника уничтожена, немцы потеряли пятьдесят пять тысяч убитыми». И позавидовал: «Везет же, – говорит, – соседям: награды получат, а то, может, и отпуска». Я ему, мол, при таком сражении и у соседей небось потери немалые… А он: «Слышь, – говорит, – командир, тут написано, что главную роль в разгроме сыграли мы – наша танковая армия то есть». Решили, что политотдел, как обычно, напутал. К полудню подвозят горючее, заправляемся.

Вызывают к начальству. Приказ: двадцать машин – обратно в степь. Цепляем бульдозерные ножи и начинаем утюжить шлях – тот самый, по которому вчера прошли сотни танков. Там – месиво: глина, трупы, стрелковое оружие… «Похоже, – думаю, – листовка была правильной и в политотделе на сей раз ничего не перепутали». Мы ведь на этом марш-броске не могли оценить происходившее: пехоты, конечно, было много, но она разбежалась, все попадали, паника…

Знаете, киношники любят: пехотинец пропускает над собой танк и вслед ему бросает гранату… Это нормально, этому всех пехотинцев учат… Но когда на тебя идут сотни – сотни! – танков, когда земля ходит ходуном, а голова лопается от рева моторов, психика не выдерживает…

Из-за распутицы мы старались идти не колонной, использовали всю ширину шляха… Получается, что ни у них вариантов не было, ни у нас…

Такой марш-бросок получился… Ну, растолкали месиво по оврагам, возвратились в село...

Продолжение следует

Отечник

Однажды братия из Скита пошли к авве Антонию. Взойдя на корабль, чтобы отплыть к нему, нашли они одного старца, отправлявшегося в ту же сторону. Братия не знали его. На корабле они говорили об изречениях святых отцов и словах из Писания, рассказывали также о своих рукоделиях. Старец все молчал.

Выйдя на пристань, они узнали, что и старец отправлялся также к авве Антонию. Когда они пришли к Антонию, тот сказал им:

— Доброго спутника нашли вы в этом старце!

Сказал и старцу:

— Добрых братий и ты нашел, авва.

— Они хороши, — отвечал старец, — но у них двор не имеет ворот: кто хочет, подходит к стойлу и отвязывает осла.

* * *

Некий брат сказал авве Пимену:

— Если я увижу брата, о котором слышал, что он находится в падении, то неохотно принимаю его в свою келью, а брата, имеющего доброе имя, принимаю с радостью.

Старец ответил ему:

— Если ты делаешь доброму брату добро, то для падшего сделай вдвое, потому как он слаб.

* * *

Авва Иеракс жил в Нитрийской пустыне. Однажды пришли к нему бесы в образе ангелов. Искушая его, они сказали ему: «Еще пятьдесят лет тебе жить! Как выдержишь такое продолжительное время в этой страшной пустыне?»

Он отвечал им: «Огорчили вы меня, назначив мне жить немного лет — я приготовился к терпению на двести лет».

Услышав это, бесы удалились.

Православный календарь

10 апр., вс. – Неделя 4-я Великого поста. Прп. Иоанна Ле́ствичника. Прп. Илариóна Нового, игумена Пеликитского. Прп. Стефáна чудотворца, исп., игумена Триглийского. Прмч. Евстрáтия Печерского, в Ближних пещерах. Прп. Илариóна Псковоезéрского, Гдóвского.

11 апр., пн. – Мчч. Марка, еп. Арефусúйского, Кирилла диакона и иных многих. Прпп. Мáрка, Иóны и Корнúлия Псково-Печерских. Свт. Евстафия исп., еп. Вифинийского.

12 апр., вт. – Прп. Иоáнна Ле́ствичника. Празднество в память срéтения Пресвятой Богородицы и прав. Елисавéты, матери св. Иоанна Предтéчи. Свт. Софрóния, еп. Иркутского. Св. Еввýлы, матери вмч. Пантелеúмона. Апп. Сосфена, Аполлоса, Кифы, Кесаря и Епафродита

13 апр., ср. – Сщмч. Ипáтия, еп. Гáнгрского. Свт. Иннокéнтия, митр. Московского. Свт. Иóны, митр. Московского и всея России, чудотворца. Прп. Ипáтия целебника, Печерского, в Дальних пещерах. Прп. Аполлония, пустынника Египетского. Сщмч. Иоанна пресвитера.

14 апр., чт. – ***Четвертóк Велúкого канóна.*** **Прп. Марии Егúпетской.** Прп. Евфúмия, архим. Суздальского, чудотворца. Мч. Авраáмия Бóлгарского, Владимирского чудотворца. Прп. Герóнтия, канонарха Печерского, в Дальних пещерах. Мчч. Геронтия и Василида.

15 апр., пт. – Прп. Тúта чудотворца. Мчч. Амфиана и Едесия. Мч. Поликарпа.

16 апр., сб. – ***Суббота Акáфиста.*** **Похвалá Пресвятой Богородицы.** Прп. Никúты исп., игумена обители Мидикúйской. Мчч. Елпидифора, Дия, Вифония и Галика. Мц. Феодосии девы. Прп. Иллирика Иконы Божией Матери «Неувядáемый Цвет».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!